

"Бессмертие было нашим лекарством,
а стало нашей тюрьмой".

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Сергей Шкробка

18+

ДНЕВНИК

Сергей Шкробка

Нулевой пациент

<https://litres.ru/74008574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бессмертие найдено — вакцина «Эос» останавливает старение и исцеляет любые раны. Но что, если это не спасение, а новая форма плена? На Марсе доктор Марк Вебер и его колонисты сталкиваются с кошмаром, который не предвидели учёные: они перестают быть людьми. Их сознание видит одно и то же — "РАЙ" золотое поле за непреодолимой стеной. И тот, кто уже умер и вернулся, шепчет: «Нас туда не пускают».

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Вакцинация	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Нулевой пациент

ПРОЛОГ

Дневник человека, который умер первым.

Из блокнота доктора Марка Вебера. Найден в руинах станции первых поселенцев. Последняя дата неразборчива. Бумага из прессованного льна, чернила на основе оксида железа и продуктов распада органических тканей.

В 2029 году, когда доктор Ларссон из Стокгольма синтезировал первый прототип «Эос», мы ликовали. Вирус, отключающий апоптоз, переписывающий теломеры так, что они переставали укорачиваться. Лекарство бессмертия.

В 2031 стартовала первая экспедиция поселенцев на Марс. Мы думали, что строим новый ковчег для людей. А на деле построили тюрьму для собственных душ. Вакцина «Эос» обещала нам бессмертие разума, но забыла предупредить: что не всё так просто. Рай был совсем рядом, а мы своими руками захлопнули перед ним дверь.

ГЛАВА 1. Вакцинация

//ря 204* года.

Я пишу это в колонии поселенцев. Пальцы ещё слушаются. Остальное тело нет, оно медленно гниёт, как брошенный фрукт в герметичном контейнере. Легкие слиплись два года назад. Сердце не бьётся ровно три, сегодня своеобразный юбилей. Но мыслю и всё помню.

В коридорах воют мои одиннадцать коллег. Они не двигаются, но их мозг активен. Я подключался к их сознаниям через нейроинтерфейс. То, что я там увидел, переломало моё представление о реальности. Они постоянно, непрерывно, как зацикленную голограмму на внутренней стороне черепа видят Рай и не могут в него войти.

Колония «Арес-1» 7 марта 2033 года.

На Марсе ничем не пахнет. Воздух фильтруется через шесть степеней очистки, и в нём нет ничего, за что цепляется обонятельная память. Но сегодня я проснулся и понял, что различаю запахи микроскопических бактерий. И все они пахнут по-разному. Я лежал в своём модуле, смотрел на серый потолок и пытался классифицировать запахи. Это было первое событие за день.

Колония «Арес-1» — это несколько герметичных куполов, соединённых кишками-переходами. Мы здесь уже два

года. Инженеры, геологи, биологи, связист и я, врач вирусолог, всего двенадцать человек. Вообще-то вирусологу на Марсе делать нечего, но я здесь по личному настоянию Ларссона. Он очень надеялся, что мы получим одобрение на испытание вакцины «Эос», что потребует постоянного мониторинга на месте.

Именно в это утро всё и началось. Ларссон вышел на связь по защищённому каналу. Его лицо на экране было осунувшимся. С тех пор, как мы получили первые результаты с мышами, учёный спал редко, не выспавшийся он был и сейчас, это было видно по лопнувшим капиллярам в глазах.

— Марк, у меня новости, — сказал он. — Экспертная комиссия из Женевы дала предварительное добро на испытания.

— На людях?

— На колонистах.

За моей спиной гудела система регенерации воды.

— Ты же знаешь, что я против, Элиас. Мы не тестировали долгосрочные эффекты, а люди это не мыши.

— Но и мыши не умирают от радиации, Марк. А твои колонисты умирают. У Патрика Суонсона третья стадия лучевой болезни, а у Анники Нгвенья вторая. Самые лучшие показатели у тебя, но это и понятно ты врач и ни разу не выходил на поверхность, через полгода-год ты останешься на Марсе один.

Я и без него знал эти цифры, сам их собирал и отправлял

ему. Лейкоциты падали у всех, кроме меня, но в отчётах на землю я свои параметры подделал под остальных. В большой космической программе мы были расходным материалом и знали это с самого начала. Но одно дело знать, и совсем другое — чувствовать, как клетка за клеткой тело тебя предаёт.

Я ни разу не говорил Ларссону, что два года назад, в первый день после прибытия на Марс, когда остальные одиннадцать колонистов ещё только распаковывали оборудование и настраивали системы жизнеобеспечения, я заперся в медицинском модуле. Контейнер с маркировкой «Эос» прибыл вместе с нами, Ларссон настоял, чтобы опытные образцы отправились вместе с экспедицией и до времени принятия решения были на месте, или на случай экстренной ситуации. Он думал, что я буду ждать команды, ему было невдомёк, что я ещё на земле принял решение проверить вакцину на себе.

Я помню холод спиртовой салфетки. Помню, как от осознания того, что я сделал, дёрнулась рука. Я ввёл себе вещество, которое испытывали только на мышах. Препарат который переписывал геном, отключал старение, вмешивался в фундаментальные механизмы жизни и смерти. И сделал я это осмысленно, скрытно, без разрешения и страховки.

Почему? Потому что я был уверен рано или поздно разрешение из Женевы будет получено, но прежде чем предлагать это другим, я, как врач и ученый должен был пройти через это сам. Таков был мой кодекс, таковым он остаётся и сейчас, когда я пишу эти строки гниющими пальцами.

Два миллилитра мутной жидкости, похожей на разбавленное молоко в вену на левой руке. Пятнадцать секунд и всё, я стал нулевым пациентом.

Всё это время это была моя тайна, и я два года наблюдал за своим телом. Шрамы исчезли на четвёртый день. Зрение восстановилось через две недели. Уровень тестостерона подскочил до значений двадцатипятилетнего. Я записывал каждый симптом в личный журнал, зашифрованный файл, спрятанный в недрах медицинского компьютера. И ждал. Ждал негативных побочных эффектов, которые так и не наступили.

Теперь, когда Ларссон требовал вакцинировать остальных, я знал, что «Эос» работает и я был тому живым доказательством. Но я так же понимал, что два года это слишком малый срок. *Что будет через пять? Десять?*

— Марк! — Голос Ларссона вывел меня из ступора воспоминаний. — Марк я говорю что есть разрешение, нужно вакцинировать больных.

— Я не буду никого заставлять, — сказал я, наконец. — Но если они согласятся добровольно, я проведу инъекции. Но сам...

— Что?

— Элиас, я тоже приму «Эос». Я не отправлю людей на риск, который не готов разделить. — Я не стал признаваться, в том что уже сделано, ведь за это время никаких отрицательных побочных не обнаружено, разве что кроме повторяю-

щихся снов. Честно говоря, даже если бы с Земли не пришло разрешение, я бы и так, без всяких разрешений ввёл вакцину больным.

По завершении сеанса я собрался выйти из мед-отсека в общий модуль. За дверью на откидном стуле, закинув ногу на ногу, сидел Патрик. Дважды в неделю я обрабатывал его лучевые язвы, и дважды в неделю он сидел на этом самом месте с терпением валуна, который знает, что эрозия всё равно победит. В одной руке он держал алюминиевую кружку с суррогатным кофе, мутно-коричневого цвета и запахом жжёного ячменя пополам с химией. Настоящий кофе на Марсе закончился быстро, Патрик каждое утро заваривал эту бурду и пил, будто это настоящий эспрессо из римской кофейни. А на коленях лежал уже закатанный рукав, под которым мокла повязка с сукровицей. Кожа на скулах висела лоскутами, как обгоревший на солнце пергамент, а глаза потеряли цвет и отдалённо напоминали арктический лёд.

Он поморщился то ли от вкуса, то ли от боли, сделал новый глоток и посмотрел на меня поверх кружки.

— Ну что, док, нас случайно не хотят сделать подопытными крысами?

Мы встретились глазами. Этот громадный швед, который выглядел как лесоруб, а думал как физик-ядерщик, потому что он им и был, догадался.

Я пригласил его в каюту, достал свежую упаковку бинтов,

взял стул и сел напротив.

— Типа того, — сказал я наконец.

— Я согласен.

— Ты даже не спросил подробностей.

— А зачем? — Он пожал плечами, и повязка на предплечье съехала, обнажив мокнувший край язвы. — Я всё равно через полгода сойду. Ты док это лучше меня знаешь. — Он покосился на свою руку. — Давай свою сыворотку. Если твоя штука сработает, я возможно увижу, как вырастет моя дочь, а нет так помру, так что терять мне нечего.

Я уже потянулся за шприцем, когда он остановил меня взглядом.

— Только, Марк, сделай как себе. — Спокойно сказал он, будто смерть была соседкой по каюте, с которой он каждое утро здоровался в коридоре. В этом и был весь Патрик.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня фотографическая память я прекрасно помню, каким тебя встретил два с половиной года назад ещё на сборах.

Я даже немного опешил, не ожидая такого разговора.

— Я два года смотрю на твоё лицо. — Он провёл большим пальцем по своей брови, зеркала мою анатомию, и сухая корка дерматита осыпалась в кружку с напитком. — У тебя был шрам над бровью.

— Патрик...

— Он исчез через неделю после прилёта. Я же помню.

Он продолжал, загибая пальцы:

— Марек лысеет, Анника потеряла обоняние, я заживо гнию. А ты... — он обвёл меня взглядом, — цветёшь.

Я нервничая, с треском оторвал полоску пластыря.

— Я врач, и учёный, я не мог рисковать вами, не проверив, а кроме как на себе, больше не на ком.

— Я не осуждаю. — Патрик поставил кружку на пол и протянул мне здоровую без язв руку. — Я вижу, что эта штука работает? Заранее спасибо Марк. Уважаю за то, что пошёл первым. А теперь давай Коли.

Я обработал сухую, шелушащуюся кожу спиртовой салфеткой, под ней нашёл вену. Игла вошла легко, я ввёл два кубика мутной жидкости. Патрик даже не поморщился.

— Тебе снятся сны? — спросил он вдруг, глядя в стену, пока я заклеивал место укола пластырем.

«Неужели он и про сны догадывается. Нет. Бред».

— Сны? Конечно. — Голос дрогнул сильнее, чем хотелось бы.

— Вот и чудненько, — сказал он. — Я с первого дня здесь почти каждый сон вижу свою дочь. Такие яркие сны, будто в детство вернулся. Если твоя штука их не затуманит, я буду самым счастливым человеком на Марсе.

Я взялся за бинт, чтобы всё же сделать перевязку, но Патрик бережно, хотя сил в его лапище хватило бы сломать мне запястье, отвёл мою руку в сторону.

— Брось, док. Не парься.

— Патрик, язву надо закрыть, иначе...

— Я уверен, что к завтрашнему утру эта зараза заживёт.

Я посмотрел на мокнувший край язвы, на серую, отмирающую по краям ткань, и хотел возразить — но уверенность, прозвучавшая в его голосе заставила меня промолчать.

Он встал, здоровенной ладонью хлопнул меня по плечу, от чего лоток с инструментами звякнул и чуть не улетел на пол, и вышел.

На следующее утро язва действительно затянулась.

Через три дня его кожа начнёт розоветь. Через пять все язвы полностью исчезнут. А через месяц... Но давайте по порядку.

В течение десяти дней я имел на руках подписанные согласия от всех участников экспедиции.

Я вакцинировал всех. Анника Нгвенья, связистка, от надежды плакала, когда игла вошла в вену. Марек Ковальски, геолог, мрачно пошутил про «кровь с молоком». Лиам Чен, биолог, записывал всё на камеру для будущих поколений. Они даже не подозревали, что перед ними стоит нулевой пациент и держит в руках шприц.

Как формальность я поставил последнюю подпись в списке за себя.

Ночью я открыл зашифрованный файл и дописал:

«14 марта 2033 года. Вакцинированы одиннадцать человек».

«Не для протокола, для потомков: Срок наблюдения за

нулевым пациентом — 731 день. Побочные эффекты: Физическое состояние идеальное. Биологический возраст стабилизировался на отметке ~30 лет. Причина неизвестна. Продолжаю наблюдение.»

На тот момент только Патрик Суонсон догадывается, что я был первым. Больше никто.

Я закрыл файл и лёг в койку. Система жизнеобеспечения гудела свою бесконечную колыбельную. Где-то за стеной Патрик уже спал, ему первому предстояло пройти путь, который я прошёл два года назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.